

УДК 930.1

Л.А. Гаман

Н.А. БЕРДЯЕВ О ВОЙНЕ

Рассматриваются представления выдающегося русского религиозного мыслителя Н.А. Бердяева (1874–1948 гг.) о войне; подчеркивается специфика его метода познания войны; анализируются его размышления о российском менталитете в связи с проблемой войны; рассматриваются взгляды Бердяева о трансформации войн в XX в. и их особенностях.

Ключевые слова: Первая мировая война; религиозный символизм; менталитет.

Устойчивость феномена войны как наиболее острой формы разрешения социальных конфликтов неизменно привлекает внимание исследователей – представителей различных отраслей социально-гуманитарного знания. Большой вклад в изучение войны как сложного социально-исторического явления внесли также русские религиозные мыслители XX в., такие как Н.А. Бердяев (1874–1948), Ф.А. Степун (1884–1965), Г.П. Федотов (1886–1951), С.Л. Франк (1877–1950) и др. Особенный интерес их размышлениям о войне придает то, что им довелось стать непосредственными свидетелями целого ряда военных конфликтов XX в., в том числе двух мировых войн. В этой связи многочисленные публикации русских мыслителей, так или иначе связанные с данной проблематикой, могут рассматриваться как ценные исторические источники, отражающие специфику социально-культурного пространства своего времени, важные не только для всестороннего изучения их идейно-теоретического наследия, но и для более углубленного понимания природы войны. В канун 100-летней годовщины начала Первой мировой войны представляется оправданным приоритетное внимание к той части их наследия, которая непосредственно связана с этим событием.

В рамках данной статьи рассматриваются размышления о Первой мировой войне Николая Александровича Бердяева, одного из наиболее ярких представителей плеяды русских мыслителей XX в., на протяжении всех военных лет систематически публиковавшего свои статьи в различных периодических изданиях («Утро России», «Биржевые ведомости», «Христианская мысль» и др.). Историко-философские представления о войне Бердяева затрагивают многие исследователи его творчества [1, 2]. Однако обращение к этой части его творческого наследия в большинстве работ имеет преимущественно подчиненный характер, в связи с чем многие аспекты его представлений о природе войны изучены недостаточно полно. В качестве основного источника для данной работы выступают его статьи 1914–1918 гг., объединенные в сборники «Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности» (1918) и «Футиризм на войне. Публицистика времен Первой мировой войны» (2004). Важно отметить, что к публицистической деятельности Бердяев относился чрезвычайно ответственно. В этой связи вызывает ин-

терес свидетельство Ф.А. Степуна, который писал: «Он очень серьезно относился к данной стороне своей деятельности, ибо публицист, по мнению Бердяева, это мирской пророк, и его задача – предостерегать народы и времена, ставить перед ними непреложные требования» [3. С. 147]. Можно дополнить эту характеристику указанием на то значение, которое придавал Бердяев целенаправленному формированию национального сознания как условия сохранения национальной идентичности.

В своем познании природы войны Бердяев, будучи религиозным мыслителем, опирался на постулаты религиозного символизма, главным из которых является признание сложной природы исторического процесса, в рамках которого эмпирический уровень бытия множественными нитями связан с уровнем метаисторическим. Самую сущность этого метода познания можно передать с помощью определения Степуна, глубокого знатока и тонкого интерпретатора русского религиозного символизма: «...сущность познания в символизме состоит в религиозном истолковании природной и исторической действительности» [3. С. 139]. Утверждая эвристический потенциал религиозного символизма как метода познания, Бердяев в программной по своей сути статье «Война и возрождение», опубликованной 17 августа 1914 г., сформулировал методологический принцип, положенный им в основу размышлений о войне: «...война, в которой действуют чисто материальные орудия и которая предполагает материальную мощь, может и должна быть рассматриваема как духовный феномен и оцениваема как факт духовной действительности» [4. С. 5]. По убеждению мыслителя, такой подход существенно расширял проблемное поле и познавательные возможности исследователя, позволяя приблизиться к пониманию сложной диалектики исторического развития.

Начало Первой мировой войны было воспринято Бердяевым, как и значительной частью российского общества того времени, с большим патриотическим подъемом. О.Д. Волкогонова, одна из наиболее глубоких исследователей творчества Бердяева, отмечает, что он относился к числу сторонников войны «до победного конца», подчеркивая при этом «прославлянофильский» характер такой позиции, ныне вызывающей критику, но являвшейся распространенной среди многих

его современников [5. С. 187, 188]. Действительно, ряд утверждений мыслителя о войне в настоящее время не выдерживает критики, в частности его идея о Первой мировой войне как о «борьбе за господство разного духа в мире» («германского» и «славянского». – Л.Г.) [6. С. 17]. Тем не менее, несмотря на известную долю исторического романтизма, свойственного Бердяеву в отдельные периоды творчества, его позиция в годы обеих мировых войн определялась, прежде всего, его исконным патриотизмом, усвоенным им в родительской семье. Не без скрытой гордости он подчеркивал в своей философской автобиографии, что представители мужской линии в его роду из поколения в поколение несли воинскую службу. «Со стороны отца, – писал он, – я происходил из военной семьи. Все мои предки были генералы и георгиевские кавалеры...» [7. С. 12].

Уже в самом начале Первой мировой войны ученый сумел осознать ее масштабность и значительность для судеб мира и России, что обусловило его систематическое внимание к ней. «Знаменательный 1914 год, – пророчески писал он в первые месяцы войны, – открывает новую эпоху всемирной истории и новую эпоху истории русской» [4. С. 16]. Относительно последней рубежным событием Бердяев считал переименование города С.-Петербурга в Петроград, которое он наделял «глубоким символическим смыслом» [4. С. 32]. Другой религиозный мыслитель, СЛ. Франк, оценил это переименование как «зловещее» [8. С. 473]. Бердяев подчеркивал провиденциальный характер войны: «Пожар европейской и мировой войны провиденциально неизбежен» [4. С. 5]. В публицистических статьях периода Первой мировой войны размышления Бердяева о провиденциальном ее характере разворачивались на фоне вполне объективного анализа международной обстановки в канун и в ходе войны. Главным виновником войны ему представлялся германский империализм с его притязаниями на мировое господство в ущерб империалистическим интересам других стран, прежде всего России и Англии. Он подчеркивал: «Тайна безобразия и нестерпимости германского империализма скрыта в том, что Германии не дано естественно, по природно-историческому предназначению, быть великой империей, и что потому свои империалистические притязания она может осуществлять лишь путем страшных насилий и хищений, путем слишком нестерпимой для мира неправды» [4. С. 36]. Бердяев был убежден, кроме того, в том, что «германофильская» политика русского государства со времен участия России в разделах Польши затруднила важную для России консолидацию славянского мира, отсутствие которой сыграло негативную роль в развязывании войны [4. С. 67–71].

Настаивая на провиденциальном характере войны, – по сути, на закономерности войны в категориях религиозной философии истории, – мыслитель отмечал: «Война есть имманентная кара и имманентное искупление» [6. С. 180]. В новом историческом контексте

Бердяев возвращался к традиционной для русской религиозной мысли теме специфики развития секуляризованной европейской культуры, в силу своего безрелигиозного характера порождавшей непримиримые социально-культурные противоречия и тупики. Свойственное ему апокалипсическое переживание войны, – а в дальнейшем и революции, – как Суда Божьего не означало восприятия кары как внешнего механического воздействия. Эту сложную для носителей рационального сознания идею он сумел выразить более отчетливо позднее. Возвращаясь к этой теме в самом начале Второй мировой войны, он отмечал: «Конечно, конец мира есть и страшный суд, но суд как *имманентное последствие путей зла* (курсив мой. – Л.Г.), а не как внешняя кара Бога» [9. С. 11]. Это пояснение Бердяева заостряет проблему социальной ответственности субъектов исторического процесса за преобладание позитивных или негативных явлений в истории и свидетельствует об антропологической ориентированности его историко-философских размышлений о войне. «Война происходит не только в окопах, она начинается в нас и продолжается в нас» [4. С. 166, 167], – сформулировал он один из своих ключевых теоретических принципов.

Войну Бердяев воспринял как «великую проявительницу и изболительницу», полагая, что она «сама по себе не творит ничего нового, она – лишь конец старого, рефлексия на зло» [6. С. 39]. В дальнейшем подобным образом он характеризовал не только войну, но и революцию, как социальный феномен, подчеркивая тем самым их глубокую внутреннюю связь и типологическую близость [10. С. 23–129]. Не случайно в одной из своих работ Бердяев квалифицирует революцию как разновидность войны. В его интерпретации война имела двойственную природу. С одной стороны, она показала истинное значение и жизнеспособность первичных ценностей – ценности национальности, народного патриотизма, социальной солидарности, социального идеализма, готовности на жертвы и героизм во имя Родины; значение экзистенциальных ценностей. С другой стороны, война выявила степень опасности распространения национализма в крайних формах, способствующего порождению разнообразных фобий и эскалации агрессии в обществе. Ярким примером «отрицательного национализма» для него выступала русификаторская политика российского самодержавия. «Этот охраняющий и утесняющий национализм, – писал Бердяев, – был, в сущности, неверием в русский народ, он более верил в евреев, поляков, финляндцев, армян и грузин» [4. С. 226].

Деструктивный потенциал крайних форм национализма, в первую очередь шовинизма, явственно проявился во время войны. Война также показала глубину антропологического кризиса, поразившего секуляризованную европейскую культуру, выражением которого в условиях военного времени стали масштабные проявления жестокости, насилия, низменных инстинктов

человека. Одним из трагических примеров стала зверская расправа над мирными жителями польского города Калиша, учиненная немцами в самом начале войны [4. С. 31, 347]. Из войны, подчеркивал Бердяев, вышел новый антропологический тип, человек «милитаризированный» [7. С. 214], утративший представления о евангельской морали.

Одним из магистральных направлений в публицистике Бердяева периода Первой мировой войны становится поиск смысла разразившейся мировой катастрофы: «Можно видеть глубокий смысл войны» [4. С. 166, 167]. Его стремление выявить смысл войны не являлось чем-то оригинальным. Напротив, неожиданность войны для российского общества, равно как первоначально вызванный ею высокий духовно-патриотический подъем, обусловила глубокую потребность всесторонне осмыслить происходящее.

Франк, характеризуя общую интеллектуально-духовную атмосферу первых месяцев войны, писал: «...вопрос о «смысле» или «оправдании» войны стал на очередь в умственной жизни интеллигенции» [8. С. 475]. О «сверхполитическом» и «сверхисторическом» смысле войны, о мистике войны и стихийном народном патриотизме рассуждал Степун, служивший в действующей армии в годы Первой мировой войны в качестве прапорщика-артиллериста, написавший на основании своих собственных впечатлений одно из лучших произведений об этой войне [11]. Небезынтересно отметить, что многие наблюдавшиеся Степуном на фронте проявления русского солдата, например покорное восприятие войны как судьбы, осталось характерным и для советского солдата [12. С. 30].

По мере становления персоналистической философии Бердяева тезис о *духовном смысле* войны был им существенно откорректирован. В статье «Война и эсхатология» (1939–1940) он писал: «...терминологически ошибочно ставить вопрос о смысле войны. Война не имеет смысла, не может быть явлением смысла, война бессмысленна, есть надругательство над смыслом, в ней действуют иррациональные и фатальные силы. Единственная цель войны есть победа над врагом. Но можно иначе ставить вопрос. Можно ставить вопрос *о причинах войны и о задачах, которые она ставит перед людьми и народами* (курсив мой. – Л.Г.)» [9. С. 14]. Терминологические изменения, тем не менее, не означали принципиального отказа от самой направленности историко-философского анализа феномена войны.

Как следует из работ мыслителя, относящихся к 1914–1918 гг., основной смысл войны он усматривал в становлении единого мирового пространства, в пределах которого преодолевалась исторически обусловленная замкнутость западного и восточного культурных миров. «Мировая война... должна в кровавых муках родить твердое сознание всечеловеческого единства», – писал он в 1915 г. [6. С. 19]. Теоретическое положение о неизбежной интеграции Запада и Востока как о главном тренде мировой истории, характерное для всех

представителей русской религиозно-философской мысли XX в., стало определяющим в размышлениях Бердяева о войне и о возможных путях выхода из системного кризиса европейской цивилизации, столь ярко проявившегося в военные годы. В этом контексте осуществлялись дальнейшие его размышления о макро- и микроисторических процессах, о судьбах мира и России.

Так, констатируя преодоление европоцентристской модели мира при одновременном пробуждении к исторической активности стран Востока, он обратил внимание на тенденцию возрастания международного влияния Америки. «Центр тяжести Западной Европы, – писал он в этой связи, – по всей вероятности, передвинется еще более на Запад, в Америку, могущество которой очень возрастет после окончания войны» [6. С. 125].

Для Бердяева была также несомненной перспектива усиления международных позиций Японии и Китая в послевоенном мире, причем Китай рассматривался в долгосрочной перспективе в качестве партнера США [6. С. XII]. Тема необходимости и неизбежности мировой интеграции с новой силой зазвучала в работах Бердяева по окончании Второй мировой войны. В статье «Третий исход», написанной незадолго до смерти, он отмечал: «Федерация народов, которая была бы федерацией капиталистических государств, и невозможна, и нежеланна. И никакая федерация невозможна без участия России» [13. С. 278].

В процессах мировой интеграции Бердяев отводил России главенствующую роль. Примечательно, что резкое возрастание его научного интереса к особенностям российского менталитета приходится на годы двух мировых войн XX в. В этой связи достаточно указать на такие его произведения, как «Душа России» (1915) и «Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в.» (1946). Предваряя дальнейшее изложение, следует подчеркнуть, что устойчивый интерес ученого к данной проблематике был обусловлен не только его убежденностью в неизбежности мирового синтеза при определяющем значении русского народа в этом процессе. Не меньшее значение имели его представления, сформировавшиеся в годы Первой мировой войны, о трансформации природы современной войны, предполагающей максимальную включенность народа как единого целого в войну. Не случайно свойственное Бердяеву убеждение о решающем значении духовных факторов в жизни народа было дополнено важным выводом: «В конце концов, исход войны решит психология народов» [4. С. 322]. Думается, что высокая оценка Бердяева победы Советского Союза в войне с фашистской Германией была обусловлена этим его представлением о природе современной войны, что заставляет по-иному взглянуть на нередкие упреки в его адрес, связанные с его просоветской ориентацией [15. С. 203]. Однако вернемся к его размышлениям о российском менталитете и присмотримся к его аргументации.

Как уже отмечалось выше, предпринятый Бердяевым сравнительно-исторический анализ менталитетов воюющих народов при приоритетном внимании к российскому менталитету был направлен на выявление религиозно-духовного потенциала русского народа, его способности к осуществлению сверхзадачи – международного синтеза в новых исторических условиях. В одной из последних работ он резюмировал свои многолетние размышления о специфике антиномичного по своей природе российского менталитета: «Наиболее положительные черты русского человека, обнаружившиеся в революции и войне, необыкновенная жертвенность, выносливость к страданию, дух коммюнитарности – есть черты христианские, выработанные христианством в русском народе...» [14. С. 663]. Они и должны были способствовать формированию новой системы международных отношений. В ближайшей же перспективе лучшие свойства русского народа должны были способствовать победе России в войне.

В публицистических статьях Бердяева периода Первой мировой войны в фокусе его внимания оказались также негативные компоненты российского менталитета, в массе своей связанные с недостаточным развитием личностного начала в русском народе. Специально подчеркнем, что позднее, по окончании Второй мировой войны, ученый существенно откорректировал эти свои представления, предостерегая европейское сообщество от ошибочного отождествления безличности и коммюнитарности, свойственной русскому народу. Во время Первой мировой войны его выводы были гораздо более пессимистическими. «Русский человек любит возлагаться на силы, вне его находящиеся, – подчеркивал он, – на судьбу, на «авось», на «кривую», которая вывезет, или на социальную среду, которая заедает, или на Бога, на коллектив народного быта или на коллектив социальной группы» [4. С. 276].

Неоднозначно относился ученый и к русскому *смирению*, свойству, связанному в своем исконном значении с религиозной силой человека. Бердяев полагал, что смирение, на положительном полюсе позволявшее русскому человеку стойко переносить тяготы суровых условий исторического существования, на отрицательном полюсе служило оправданием покорности и пассивности. «Дуалистическое религиозное и моральное воспитание, – писал он, – призывавшее исключительно к смирению и никогда не призывавшее к чести, пренебрегавшее чисто человеческим началом, чисто человеческой активностью и человеческим достоинством, всегда разлагавшее человека на ангельски-небесное и зверино-земное, косвенно сказавшись теперь, во время войны. Святости все еще поклоняется русский человек в лучшие минуты своей жизни, но ему не достает честности, человеческой честности» [6. С. 203].

О низком уровне законопослушности русского человека в сравнении с европейцами и его специфическом восприятии честности как о распространенном явлении не только в тылу, но и на фронте, писал также

Степун, называя это явление «конкретным морализмом». Его суть можно выразить следующим образом: то, что недопустимо по отношению к ближнему, вполне допустимо по отношению к обезличенным началам, например к государству, государственной собственности. Отчетливо осознавая всю опасность для России конкретного морализма, Степун, идейно перекликаясь с Бердяевым, писал: «Ниже войны Россия всею своею чудовищной бессовестностью, выше – всем своим неподкупным и сокрушительным даром правды... При этом важно, что деление это не столько раскалывает всех русских людей на два стана, сколько раздирает каждого русского человека на две части» [11. С. 138].

Историческую ответственность за формирование этих и целого ряда других свойств российского менталитета, выразившихся во многих негативных явлениях военных лет (коррупция в высших эшелонах власти, «бесчестность торговцев, корыстолюбие промышленников, аппетиты аграриев и сахарозаводчиков, чудовищные спекуляции финансовых дельцов» и т.п. [4. С. 252]), Бердяев возлагал, прежде всего, на российское государство («бюрократическое царство» [4. С. 244]) и Русскую православную церковь. Российская историческая власть не сумела обеспечить социальную интеграцию и наладить диалог с обществом, превратившись из функции народной жизни в цель народной жизни. Губительной для страны стала, по убеждению ученого, неспособность российской монархии к реформированию политической системы России с учетом демократических достижений российского общества: «Не только земское и городское самоуправления, но и Гос. Дума все еще в глазах нашей бюрократии – не органическая часть Русского государства, а общественная оппозиция, которая может быть терпима лишь до известного предела» [4. С. 245, 246]. Разрыв между обществом и государством, подозрительное отношение этого последнего ко всем формам общественной активности, запоздавшая рецепция либерально-демократических идей, как справедливо полагал Бердяев, обусловили низкий уровень гражданского самосознания русского народа, что объясняет многие особенности его социального поведения в годы военных испытаний. Как показал опыт поражения России в Первой мировой войне, в новых исторических условиях неспособность государства наладить конструктивный диалог с обществом неизбежно приводит к ослаблению военно-оборонного потенциала страны.

Значительную долю ответственности за морально-нравственное состояние российского общества ученый возлагал на историческое православие. Русская православная церковь, по убеждению Бердяева, несла ответственность за свою сервильность по отношению к государству в синодальный период истории и социальную пассивность, что обусловило не только снижение морального авторитета церкви как социального института, но и способствовало «упадку религиозной энергии в

народе» [4. С. 117]. Недопустимо низким представлялся Бердяеву уровень социальной активности самой церкви в военные годы, что так отличало ее от эпохи Сергия Радонежского. «Церковные силы не мобилизуются для защиты родины, для одоления врага. Наши монастыри постыдно мало сделали для помощи раненым. Наше духовенство менее всего участвовало в патриотическом подъеме и напряжении всех сил нации», — констатировал он [Там же]. Примечательно, что Бердяев одобрительно отнесся к отделению церкви от государства в пореволюционной России, полагая, что тем самым наметился путь для оздоровления церковной жизни.

В комплексе историко-религиозных размышлений Бердяева о войне важное место занимает тема *трансформации войны* в условиях техногенной цивилизации. В самом начале Первой мировой войны ученый отмечал: «Война не есть разбой, обман и убийство, война имеет свою мораль, свою строгую честь, свое правосознание, не все на войне дозволено» [4. С. 22]. Однако наблюдение за театром военных действий привело его к мысли об изменении привычных представлений о войне. В действиях германской армии он усмотрел «футуристические проявления», что в его интерпретации означало «сочетание милитаризма и промышленного капитализма» [4. С. 18]. В июле 1915 г. он опубликовал статью «Современная война и нация», в которой предпринял попытку идентификации нового стиля мировой войны [Там же. С. 85–89]. Он обратил внимание на то, что на смену «рыцарскому стилю» войн Средневековья и «дворянскому стилю» войн Нового времени шла обезличенная «буржуазная война» XX в., лишенная «благородного военного стиля» [Там же. С. 134]. Позднее он уточнил, что исторически важной вехой в процессе трансформации войны стало применение огнестрельного оружия [16. С. 420]. Начало использования оружия массового уничтожения делало современную войну принципиально отличной от войн предшествующих эпох. В терминологии современного научного знания война становилась «тотальной» [17. С. 33].

Отличительной чертой современной войны Бердяев считал размывание демаркационной линии между понятиями «действующая армия» и «тыл», сопровождавшееся максимальным вовлечением в войну всех национальных ресурсов. «Нынешняя европейская война показала, — подчеркивал Бердяев в этой связи, — что войны также демократизируются, становятся общественными и народными, как и вся жизнь. В основе современного милитаризма лежат всеобщая обязательная воинская повинность и мобилизация всех народных сил... Огромное значение имеют промышленность страны, ее техника, ее наука, общий ее дух. Победит сила всего народа, мощь всей страны, как материальная, так и духовная» [4. С. 85]. В настоящее время эта специфика современной войны является очевидной. «Современная военная мощь, как и современная поли-

тика, стала куда более демократической, опираясь на участие в войне всего народа» [17. С. 402], — пишет американский философ и футуролог Ф. Фукуяма.

Изменение стилистики войны Бердяев связывал с развитием капиталистической экономики, «капиталистического менового хозяйства» в его терминологии. Подчеркнем в этой связи нехарактерное для него внимание в годы Первой мировой войны к особенностям и перспективам российской буржуазии. Суть его размышлений предельно четко выражена в следующем суждении: «Война обнаружила угрожающую недостаточность созидательной промышленной инициативы русских...» [4. С. 135]. Вместе с тем, полагал ученый, война показала необходимость частичной национализации и государственного регулирования экономики в национальных интересах. Он писал: «Неизбежность организованной регуляции природных стихий и стихий человеческих будет особенно осознана в эту войну» [4. С. 101]. Пожалуй, именно опыт Первой мировой войны, явственно показавший степень угрозы для национальной безопасности «частного произвола» капиталистической экономики, позволил Бердяеву отнестись положительно к национализации промышленности в пореволюционной России.

Ратуя за развитие российской буржуазии, Бердяев, тем не менее, предостерегал от распространения буржуазности как духовного явления. Традиционная для русской религиозной мысли тема духовной буржуазности в годы Первой мировой войны обрела особое звучание: военные неудачи на фронтах и продовольственный кризис в тылу показали неготовность большинства российских предпринимателей, как аграриев, так и промышленников, жертвовать своими экономическими интересами в интересах страны, что разрушало стереотипные представления о слабости буржуазной психологии в России. Бердяев писал с болью: «Власть денег, культ денег и есть царство буржуазности... В этом царстве исчезают подлинные реальности и теряется способность их оценок...» [4. С. 249]. Ныне приходится констатировать тот факт, что буржуазность как духовное явление получает все более широкое распространение в современном обществе потребления, причем нередко оценивается как условие его стабильного существования. Таков, по сути, «постисторический мир» Ф. Фукуямы [17].

В размышлениях Бердяева о войне важное место занимают его представления о значении и последствиях широкого использования в военных целях достижений науки и техники. Самая специфика Первой мировой войны, ее «футуристический» характер, по определению мыслителя, в значительной степени была обусловлена именно этим. Следует, однако, внести существенное уточнение. Основные угрозы, по его мнению, таились не в научных достижениях самих по себе, а в асинхронности темпов материально-технического и нравственно-духовного развития общества. «Кризис, переживаемый человеком, — пи-

сал ученый, – связан с несоответствием душевной и физической организации человека с современной техникой» [14. С. 589]. Именно в результате такой асинхронности научно-технические достижения способствовали пространственному расширению военных действий, ужесточению методов ведения войны, массовым жертвам. Пагубным стало также широкое использование манипулятивных технологий, в частности пропаганды [18. С. 153], увеличивших возможности государства в воздействии на массовое сознание людей, например при конструировании образа врага. В составе характеристик современной войны Бердяев отмечал также ее деперсонализацию, размывание представлений о военной этике, военной героике и военной доблести. Накануне Второй мировой войны Бердяев писал, опираясь на опыт осмысления Первой мировой войны: «Смешно говорить о военных доблестях в современных химических войнах, истребляющих мирное население...» [18.

С. 154]. Тогда же он пророчески отмечал, что современная война проблематизирует понятие «победителя» в войне: при сохранении темпов наращивания гонки вооружения «все окажутся побежденными и уничтоженными» [18. С. 154]. Единственной альтернативой подобного исторического сценария могло стать, согласно Бердяеву, формирование новой модели мирового устройства, основу которой должны составить переосмысленные с учетом опыта войн XX в. религиозно-духовные ценности.

Таким образом, историко-религиозные представления Бердяева о войне, сформированные в общих чертах в годы Первой мировой войны, содержат в себе богатый материал, способствующий углубленному постижению войны как сложного социального феномена. Их дальнейшее изучение будет способствовать обогащению научных знаний не только о творчестве этого выдающегося русского религиозного мыслителя, но и о природе современной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полторацкий Н. Бердяев и Россия (Философия истории России Н.А. Бердяева). Нью-Йорк : Общество Друзей Русской культуры, 1967. 270 с.
2. Ивонина О.И. Исторический метапессимизм Н.А. Бердяева // Историческая наука на рубеже веков : материалы всерос. конф. / отв. ред. Б.Г. Могильницкий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. Т. I. С. 102–117.
3. Степун Ф.А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма / пер. с нем. Г. Снежинской, Е. Крепак и Л. Маркевич. СПб. : Владимир Даль, 2012. 479 с.
4. Бердяев Н.А. Футуризм на войне (Публицистика времен Первой мировой войны). М. : Канон+, 2004. 384 с.
5. Волкогонова О.Д. Бердяев. М. : Молодая гвардия, 2010. 390 с.
6. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М. : Изд-во МГУ, 1990. 256 с.
7. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М. : Междунар. отношения, 1990. 336 с.
8. Франк С.Л. Воспоминания о П.Б. Струве // Франк С. Непрочитанное... / Статьи, письма, воспоминания. М. : Моск. шк. полит. исслед., 2001. С. 394–582.
9. Бердяев Н. Война и эсхатология // Путь. № 61 (октябрь 1939 – март 1940). С. 3–14.
10. Гаман Л.А. Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 332 с.
11. Степун Ф.А. (Н. Лугин). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск : Водолей, 2000. 192 с.
12. Астафьев В. Прокляты и убиты. М. : Эксмо, 2007. 832 с.
13. Бердяев Н.А. Третий исход // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. № 32. С. 271–280.
14. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря // Бердяев Н.А. Дух и реальность. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2006. С. 567–671.
15. Федотов Г.П. Ответ Н.А. Бердяеву // Федотов Г.П. Собр. соч. : в 12 т. / прим. С.С. Бычкова [Текст]. М. : Мартис, 2004. Т. 9: Статьи американского периода. С. 194–210.
16. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2005. С. 341–498.
17. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. М. : АСТ ; АСТ МОСКВА ; Политграфиздат, 2010. 588 с.
18. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // Бердяев Н.А. О назначении человека. О рабстве и свободе человека. М. : АСТ МОСКВА ; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 5–265.

Gaman Lydia A. Seversk Institute of Technology – a branch of the National Research Nuclear University MIFI. (Seversk, Russian Federation). E-mail: GamanL@yandex.ru.

N.A. BERDYAEV ABOUT WAR.

Keywords: World War I; the religious symbolism; mentality.

Concepts about war of the Russian outstanding religious thinker N.A. Berdyaev (1874–1948) are considered in the article. The article actuality provided by an insufficient research of the theme in spite of researchers' permanently exalted interest to Berdyaev's works is substantiated. In a general way his concepts about war were formed the realization of World War I. In his social phenomenon study he relied on religious symbolism as the cognition method assuming historical event analysis in the light of religious ideas. Berdyaev's views of war surd cradles, providential character, war as divine justice were difficult combined with its historical analysis that allowed him to form the variety of subjects and problems keeping scientific importance so far. The substantial place in Berdyaev's historical religious concepts about war is taken by his thoughts of European civilization crisis as one of world war reasons and international integration as its foregone conclusion. Like other Russian religious thinkers in XX century he emphasized the determinant role of Russia in the future international synthesis that in particular religious moral qualities of the Russian people must have promoted. During the World War I Berdyaev came to the conclusion about the war dual nature. The war showed true genuine values first of all nationality ones. However extreme nationalism forms were showed during the war. They are the best human nature traits such as sacrificial one and heroism. At the same time the war revealed the depth of a human crisis. A new human type, «militarized» man, lost concepts about evangelic morality, went out of the war. During the World War I the problem of war transformation in the technogeneous civilization formation became important for Berdyaev. The distinctive features of a modern war were not only its magnitude and the army being

equipped by the latest scientific technical achievements, not only increased state possibilities for massive people consciousness manipulation. It meant the edge tailing between such notions as «front-line forces» and «rear», growing involvement into the war of all national resources in Berdyaev's version. He turned to the Russian mentality problem differently in view of his beliefs about people crucial role in the war. Berdyaev pointed out the ambiguous role of the Russian government and Orthodox Church objectively in the formation of strengths and weakness of the Russian people mentality showed during the war. Berdyaev's historical religious concepts about war formed generally during the World War I include a full material promoting war advanced study as a complicated social phenomenon.

REFERENCES

1. Poltoratsky N. *Berdyaev i Rossiya (Filosofiya istorii Rossii N.A. Berdyaeva)* [Berdyaev and Russia (Russian philosophy of history by N.A. Berdyaev)]. New York: Obshchestvo Druzey Russkoy kul'tury Publ., 1967. 270 p.
2. Ivonina O.I. [Historical metapessimism of N.A. Berdyaev]. *Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov: materialy Vseros. konf.* [Proc. of the All-Russian conf "Historical Science at the Turn of the century"]. Tomsk, 1999. Vol. 1, pp. 102-117. (In Russian).
3. Stepun F.A. *Misticheskoe mirovidenie. Pyat' obrazov russkogo simbolizma* [Mystical Vision of the World. Five Images of the Russian Symbolism]. Translated from German by G. Snezhinskaya, E. Krepak, L. Markevich. St. Petersburg: Vladimir Dahl Publ., 2012. 479 p.
4. Berdyaev N.A. *Futurizm na voynе (Publitsistika vremen Pervoy mirovoy voyny)* [Futurism at War (Journalism of WWI)]. Moscow: Kanon+ Publ., 2004. 384 p.
5. Volkogonova O.D. *Berdyaev*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2010. 390 p.
6. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti* [The Fate of Russia. Experiments on the psychology of war and nationality]. Moscow: MSU Publ., 1990. 256 p.
7. Berdyaev N.A. *Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-cognition (Experience of philosophical autobiography)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1990. 336 p.
8. Frank S.L. *Neprochitanoe. Stat'i, pis'ma, vospominaniya* [The unread. Articles, letters, memoirs]. Moscow: Moscow School of Political Studies Publ., 2001, pp.394-582.
9. Berdyaev N.A. Voyna i eskhatologiya [War and Eschatology]. *Put'*, no.61 (October 1939 – March 1940), pp. 3-14.
10. Gaman L.A. *Revolutsiya 1917 g. i sovetskaya istoriya v osveshchenii russkoy religioznoy emigrantskoy mysli* [The Revolution of 1917 and Soviet history in the lighting of Russian religious emigre thought]. Tomsk: Tomsk University Publ., 2008. 332 p.
11. Stepun F.A. (N. Lugin) *Iz pisem praporshchika-artillerista* [From letters of ensign artillerist]. Tomsk: Vodoley Publ., 2000. 192 p.
12. Astafyev V. *Proklyaty i ubity* [The Cursed and the Slain]. Moscow: Eksmo Publ., 2007. 832 p.
13. Berdyaev N.A. Tretiy iskhod [Third Exodus]. *Novyy zhurnal – The New Review*, 1953, no. 32, pp. 271-280.
14. Berdyaev N.A. *Dukh i real'nost'* [Spirit and Reality]. Moscow: AST Publ.; Kharkov: Folio Publ., 2006, pp. 567-671.
15. Fedotov G.P. *Orvet N.A. Berdyaevu* [Answer to N.A. Berdyaev]. In: Fedotov G.P. *Sobr. soch.: v 12 t.* [Collected works in 12 vols.]. Moscow: Martis Publ., 2004. Vol. 9, pp. 194-210.
16. Berdyaev N.A. *Dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [The Divine and the Human]. Moscow: AST Publ.; Kharkov: Folio Publ., 2005, pp. 341-498.
17. Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Translated from English by M.B. Levin. Moscow: AST Publ., 2010. 588 p.
18. Berdyaev N.A. *O naznachenii cheloveka. O rabstve i svobode cheloveka* [The Destiny of Man. Slavery and Freedom]. Moscow: AST MOSKVA: KhRANITEL" Publ., 2006, pp. 5-265.